

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.002

УДК 32

А.А. КАРУЛИН

аспирант сектора истории политической философии

Института философии РАН,

Россия, г. Москва

E-mail: andreykarulin2020@gmail.com

МЕСТО ЛЕНИНИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ЛЕВОГО АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМА

В данной статье предпринимается попытка проанализировать в сравнительном ключе современную концепцию левого акселерационизма и ленинизм как леворадикальную политическую философию действия. Особое место в их теоретических размышлениях занимают вопросы о судьбе и положении современного левого движения в условиях позднего капитализма. В качестве дискурсообразующих линий, по которым происходит переосмысление ключевых пунктов левой идеологии в концепции левого акселерационизма, мы избираем: вопросы политической мобилизации масс, взаимодействия между элитами и массами, революционного преобразования капиталистического общества в рамках новых пространств, структур и акторов внутри капитализма, политического субъекта. Основной задачей данного исследования является исследование того, как в концепции левого акселерационизма проявляются ленинские идеи и концепты. В работе используется сравнительный подход, позволяющий раскрыть точки соприкосновения, общие черты и различия исследуемых политических концепций. Также используется герменевтический подход с элементами дискурсивного анализа, чья релевантность объясняется возможностью раскрыть интерпретацию левым акселерационизмом ленинизма и сопоставить две политико-философские идеи через реконструкцию исторического контекста. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что критика ленинизма приводит теоретиков левого акселерационизма к признанию необходимости поиска новых подходов к выстраиванию «здоровой организации» для эффективного оппонирования структурам позднего капитализма.

Ключевые слова: ленинизм, левый акселерационизм, левая идеология, критика капитализма, кризис левых движений, теория революции, цифровой капитализм, кризис политического субъекта, критика горизонтальных движений, анти-элитизм.

1. Два контекста. В последние годы в западной политической философии можно наблюдать любопытную картину: все больше исследователей и мыслителей начинают интересоваться теоретико-политическим наследием В.И. Ленина. Обращение к нему происходит на фоне организационного и идеологического кризиса левых сил Европы и Северной Америки, выражающегося в их неспособности конвертировать противоречия капитализма в успешную политическую стратегию, и в котором они пребывают на протяжении долгого времени. В этих условиях ленинская политическая философия становится перспективным

направлением для поиска выхода из данного кризиса. Среди заметных в этой области авторов следовало бы выделить, к примеру, таких, как С. Жижек, А. Негри и Ф. Джеймисон [11]; им во многом принадлежит пальма первенства в актуализации ленинизма в контексте современного «западного марксизма». Не менее многообещающим выглядит и зародившийся совсем недавно левый акселерационизм, представители которого – Н. Срничек и А. Уильямс – в известной работе «Манифест акселерационистской политики» (далее – МАП), ставшей концептуальным ядром данного направления социально-политической мысли, предприняли амбициозную попытку адаптировать ленинское наследие к проблемам современных левых.

Левый акселерационизм через критику ленинизма реинтерпретирует некоторые части ленинской программы. Речь не идет о воскрешении ленинизма в его классическом варианте внутри акселерационистской программы. Мы наблюдаем внутреннюю дискуссию Срничека и Уильямса по вопросу построения «новой организационной формы» для левых, которая испытывает влияние ленинской традиции. Следует учитывать контексты, в которых появляются две политические философии: здесь нет четкой преемственности, но имеется осмысление одного другим. Для исследования мы отметили дискурсивные элементы ленинизма и левого акселерационизма, по которым будем анализировать их соотношение: 1) вопрос о революции; 2) вопрос об организации; 3) вопрос о политическом субъекте. Однако прежде, чем идти дальше, необходимо рассмотреть контекст появления двух традиций политической философии.

В работе используется герменевтический подход с элементами дискурсивного анализа, который мы считаем наиболее валидным для контекстуального исследования ленинских идей в современной концепции левого акселерационизма. Это позволит сопоставить две политико-философские системы, а также проследить интерпретацию ленинских идей изнутри левого акселерационизма. Более того, герменевтический подход дает возможность восстановить контекст появления ленинизма и левого акселерационизма, что поможет проследить реконструкцию исторической ситуации, в которой данные идеи зародились. Благодаря избранной методологии появляется возможность достичь понимания в вопросе целей обращения левых акселерационистов к наследию ленинизма. Целью статьи является анализ положений ленинизма в левом акселерационизме по ключевым дискурсивным точкам: революция, политическая организация, политический субъект.

Логика Ленина, по замечанию Жижека, заключалась в парадоксальной конвергенции политического реализма и утопического воображения. Ленин понимал, что законы исторического материализма не на стороне большевиков, поскольку капиталистический уклад в России к моменту революции до конца не сложился, а буржуазные институты (парламентаризм, партийность, политические права, рыночная экономика и пр.) находились в силу особенностей исторического развития страны в зачаточном состоянии. По этому поводу Жижек пишет, что «Ленин – не волюнтаристский «субъективист», он настаивает на том,

что исключение (удивительное стечение обстоятельств вроде того, что было в России в 1917 году) позволяет подорвать саму норму...» [З. С. 8].

Ленин действует в ситуации политической неопределенности российского государства, конфликтуя с противоборствующими левыми силами (меньшевики, эсеры, анархисты и др.), у каждой из которых свои программы, цели и представления о будущем политическом устройстве. Левые акселерационисты же возникают в момент идейно-политического кризиса левых организаций **после финансового кризиса 2008 года**. В тот исторический момент автономистское движение «Захвати Уолл-Стрит» потерпело поражение в конфликте с государственными институтами. Это стало причиной для того, чтобы пересмотреть эффективность горизонтальных движений в пользу поиска смешанных форм организационного строительства, в которых бы совмещались как горизонтальные, так и вертикальные элементы. Тем не менее общественное движение «Захвати Уолл-Стрит» стало вдохновителем для других, не менее известных «горизонтальных» движений таких как: «испанские индигнадос», движение «No Papers, No Fear», «Climate Justice», «Black Lives Matter» и др. «Взлет и падение» горизонталистских и автономистских левых политических сил акселерационисты стремятся осмыслить постфактум.

Точной датой появления левого акселерационизма можно назвать 2013 г., когда Срничек и Уильямсом был опубликован МАП. Основным лейтмотивом их творчества является попытка помыслить институциональный и идейный кризис современных левых. Ощущение приближающегося кризиса глобальной системы капитализма является основанием для левых акселерационистов считать, что пришло время для формирования нового будущего, когда капитализм как никогда близок к своему пределу.

В этих двух контекстах прослеживается единый паттерн – ощущение «конца» и скорого апокалипсиса, который открывает возможность для альтернативы. Отсюда Срничек и Уильямс будут настаивать на необходимости универсализировать борьбу левых, а Ленин будет рассуждать о **несвоевременности своевременного** – «революционной ситуации», когда объективные законы истории входят в противоречие с политической ситуацией. Логика ситуации или события становится основным пунктом для обеих политических программ. Также стоит отметить, что подобный «универсализм» выдвигается авторами манифеста в качестве контраргумента «политики различий», которая ассоциируется с постмодернизацией политических процессов. Ее суть сводится к тому, что социальные различия (гендерные, этнические, культурные) становятся центральным мотивом для возникновения коллектива, где «частное» замещает «универсальное». Для преодоления подобной логики Срничек и Уильямс рассуждают об организации, т.к. политическая сила современных левых должна быть организована по новой форме и с учетом накопленного опыта политической борьбы с государственными институтами.

Таким образом, авторы манифеста задаются резонным вопросом об организации, тактике и стратегии: благодаря чему или кому реализовывать

прогрессивную левую политику. Не случайно в 4-м пункте МАП мы находим строки, в которых авторы парадоксальным образом хотели установить «легитимную вертикаль власти», но при этом с «развитыми горизонтальными социальными формами», что позволило бы избежать перекосов в сторону авторитарности вертикальных структур и организационной слабости горизонтальных движений [14. С. 16]. Левые акселерационисты заявляют о необходимости построения иной политической инфраструктуры для левых, пытаясь из множественности разнообразных организационных различий выкроить некоторую единую форму для всех. На этом фоне обращение к ленинизму становится объяснимой моделью для преодоления современного политико-идеологического кризиса левых и теоретико-практической возможностью пересобрать его в качестве универсальной силы, оппонирующей капиталистической реальности.

2. Две разных революции. Для ленинизма вопрос о революции имеет системообразующее значение. Уникальность ленинских теоретических построений заключается в особом восприятии политической реальности и конкретного момента для принятия соответствующих стратегических действий. Для левых фигура Ленина является примером политического Демиурга, творящего политический порядок из «ничто», черпающего силу из контингентности и нестабильности. В основе политической онтологии ленинизма переплетаются две категории: идеальное и абсолютное. Именно они в конкретный исторический момент пересекают друг друга и формируют политический порядок. Ленин вовремя осознал, что создать совершенно новый политический режим возможно исключительно «здесь и сейчас», невзирая на то, что другие политические силы открыто выступают против. Приблизить желаемый идеал, воплотить его в материальную реальность возможно только через радикальное действие и вступление в политическое поле: компромиссы, конфронтации, торг, политическая рациональность – без этого невозможно представить борьбу за воплощение утопии. Уникальность случая Ленина заключается в его попытках слияния идеи абстрактных законов истории с конкретным «деятельностным» подходом [12. С. 11].

Политический реализм ленинизма особенен в данной идейно-политической конфигурации – сочетание идеальной перспективы с чувством политической конъюнктуры. Тем не менее ленинский реализм не сводится к реализму в привычном понимании этого слова – как расчету сил и подстраиванию под меняющиеся обстоятельства для захвата власти. Он тесно связан с проецированием более общих исторических тенденций на реальное положение дел. В связи между политическим захватом власти и ее обоснованием через теорию Ленина выкристаллизовывается политический реализм, не сводимый к простой игре сил [21. Р. 262]. Для Ленина нарождающиеся изменения политической системы Российской империи являлись живой материей, способной к трансформациям и дальнейшей революционизации общества. Так, французский мыслитель Этьен Балибар говорил о том, что ленинский реализм воплощает собой «постоянное стремление уловить общие исторические тенденции и сформулировать

соответствующую теоретическую концепцию» [17. Р. 59]. Поэтому революция возводится в ранг абстрактной силы, позволяющей сохранять динамику общественного прогресса и детерриторизировать власть, отрывая ее от традиционных общественных институтов, стимулируя, таким образом, появление новых властных пространств, территорий, техник и пр.

В этом контексте концепт революции являет собой место сопряжения всей мысли Ленина о стратегии и тактике, политической борьбе и завоевании власти, что позволяет сделать вывод: процесс революционизации всех сторон общества должен не просто находиться в постоянной динамике, но и быть защищен от всякого рода реакционеров и контрреволюционеров. Так, американский мыслитель Джеймисон рассматривает концепт революции в ленинизме как «центральный структуры, момент», который буквально создается коллективным субъектом и является гарантом постоянных трансформаций и последующих изменений. Можно сказать, что революции отводится роль трансцендирующей силы, в функции которой входит постоянная нацеленность на будущие изменения, держа общество в тисках имманентных перемен, которые не должны прекращаться даже со смертью политического лидера [2. С. 79].

Революционный момент становится местом формирования радикального политического субъекта и процессом формирования нового политического режима. Если революция заканчивается, то заканчивается и темпоральный режим, в котором пребывал политический порядок, а за ней следует либо конформность новой политической элиты, либо потенциальная возможность реставрации порядка или его реформизма. Любой же реформизм чреват пересмотром революционного режима и политикой «соглашательства», которую Ленин в свое время инкриминировал западным социал-демократам. Он же, наоборот, схватывает политический момент «революционной ситуации» и акцентирует внимание на т.н. «скачках» – событиях, которые создают предельное напряжение между стабильностью и хаосом [8. С. 112]. Эта мысль Ленина, понятая им через «Науку логики» Гегеля, постулирует необходимость вовремя распознать «скачки». Этот исторический момент может стать причиной конституирования субъекта действия, который сможет познать революционную ситуацию и изменить политический порядок.

Эта мысль, на наш взгляд, конгениальна современным левым акселерационистам, которые за фасадом постоянных расхождений левых движений и организаций усматривают потенциал и возможность для объединения. Теоретики левого акселерационизма задают вектор для будущего политического действия в рамках глобального капитализма. Но если Ленин действовал в условиях зарождающегося капитализма в России, то левый акселерационизм существует в иных экономических и политических условиях. Единственное, что важно – те возможности, которые капитализм порождает благодаря прогрессивным средствам, будь то технологии или новые социальные отношения. Для левого акселерационизма технологии становятся индикатором «революционной ситуации»

и возможности для обращения капиталистических процессов в русло посткапитализма и посттрудового общества.

В политических идеях левого акселерационизма нет ни слова о революции. Его стратегия отличается от ленинистской, но потенции и предпосылки для формирования теории действия у акселерационизма созвучны с ленинизмом – признание ситуации «революционной». Правда, для современных левых революционизирующим актором становится сам капитал. Поэтому левые акселерационисты не говорят о революции в капиталистической реальности, захвате власти насильственным путем – в своих идеях они достаточно умеренны. Однако же понимают, что без стратегии и тактики, без конкретного проекта достичь поставленных целей не получится. Своей целью они избирают образ посттрудового общества, концентрируют свое внимание на противоречиях внутри капитализма, которые потенциально могут быть политизированы. В частности, Срничек и Уильямс уделяют большое внимание проблемам автоматизации производства, технологизации процессов, которые влияют на труд рабочих и коренным образом меняют его условия [13. С. 248]. Стратегию левых акселерационистов можно охарактеризовать как картографирование капиталистических зон нестабильности. Но для того, чтобы эти удары были эффективны, необходима политическая организация. И здесь следует отметить, что левый акселерационизм использует концептуальный инструментарий французских философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, – понятие «абсолютная детерриторизация» капитализма, суть которой передает максима «революции как бесконечного процесса» [1. С. 128].

Стоит отметить, что мысль Ленина относительно революционного процесса также созвучна идеям Делеза и Гваттари [16. С. 187]. Последние считали, что капитализм способен порождать постоянные изменения, которые ведут к имманентной революционизации и саморазрушению капиталистической системы. В работе «Государство и революция» Ленин фактически призывал, выражаясь языком Делеза и Гваттари, к детерриторизации государственного пространства, после которой надобности в государственной машине не будет и наступит либертарная рабочая утопия. В этом аспекте левый акселерационизм и ленинизм хоть и не сходятся в методах и политических инструментах разрешения кризисной ситуации, но согласуются в общих предпосылках и интенциях по отношению к политической реальности – акселерационисты, например, не выступают против парламентских методов борьбы и не предлагают захватывать власть радикальным способом через политический антагонизм и революцию, в отличие от политической позиции Ленина. Но для нас важен другой момент: оба течения видят революционность в самой реальности, схваченной в понятии «капитализм». Ленин выстраивал логику перманентной революции как имманентной реальному политическому порядку силы и категории. Между тем левый акселерационизм фиксирует революционность не в объективных законах истории или мобилизации политических масс недовольных, а в имплицитном современным технологиям эмансипационном импульсе.

3. Дискурс об организации: не совсем ленинский ленинизм. Идеологи левого акселерационизма пытаются избежать негативных аспектов иерархии, жесткой вертикали, централизма и подчинения, но в то же время стихийности и чрезмерной свободы горизонтализма, слабости организационной структуры и ее политической мимолетности. Для акселерационизма подходы ленинизма по отношению к партийной организации считаются наиболее критикуемыми положениями. Срничек и Уильямс опасаются авторитарности, недемократичности, сверхцентрализации ленинской большевистской партии, что необходимо вовремя распознавать и предотвращать. Тем не менее речь не идет о заимствовании традиции классических ленинских установок и взглядов на партийную структуру и организацию масс – в контексте цифрового капитализма, сетевого общества, ризоматического интернет-пространства, новых «кибер-территорий» капитала следовать максимам Ленина было бы неэффективно и контрпродуктивно. Левые акселерационисты апроприируют Ленина таким образом, что через критику тайной партийной организации они каждый раз затрагивают тему необходимости строго иерархичных форм организаций для решения конкретных политических задач. Срничек и Уильямс называют это «экологией организации» – умением своевременно выстраивать нужный тип организации под текущую политическую ситуацию, балансируя между «вертикализмом» и «горизонтализмом». Тем самым ленинизм сохраняет свое присутствие внутри концепции акселерационизма и заставляет дискурс работать вокруг формирования новой организационной формы левых движений. Это, в свою очередь, отметил итальянский политический философ Негри, говоривший о необходимости иметь долгосрочную программу действий для радикальных преобразований, что может привести к «появлению посткапиталистических и коммунистических институций» [10. С. 107].

Комментарий, высказанный здесь итальянским мыслителем, важен тем, что Срничек и Уильямс размышляют о планировании как долгосрочной стратегии политической борьбы. Это особо резонирует с современной тенденцией на «демократический горизонтализм», когда организации выстраиваются по принципу сети с гибким членством без строгой идеологической позиции. Чаще всего подобные движения материализуются вокруг частных или локальных проблем. Из-за ограниченности собственных действий данные движения быстро перестали быть эффективными, т.к. не имели долгосрочной стратегии, строгой дисциплины и др. Подобную логику Срничек и Уильямс экстраполируют на более широкий пласт схожих движений, концептуально определяя их как «народно-политические» [13. С. 92].

В этом отношении подходы ленинизма, его теоретические принципы и практические установки неявно стали отправной точкой для того, чтобы понять, чего не хватает современным левым движениям, и осмыслить кризисность ситуации вокруг организационного аспекта. Ленинизм в данном случае имеет практический опыт реализации левой политики в условиях распада государственных институтов. В МАПе мы фиксируем имплицитное содержание ленинистских

теоретических подходов. К примеру, в одном из пунктов мы читаем о необходимости «секретности», «вертикальности» и подпольности политических действий [14. С. 16].

В условиях же глобального субъекта, концептуализированного М. Хардтом и А. Негри в образе «множества», перед левым акселерационизмом встает проблема мобилизации политического субъекта [9]. Срничек же, по нашему мнению, пытается дать ответ как удержать «множество», не впадая в логику различия. Осознавая это, авторы обращаются к концепции «авангардной функции», которая менее авторитарна, чем ленинская идея авангардной партии. Данная идея отличается от формулировки Ленина тем, что допускает наличие разных точек зрения внутри одного политического движения и, в зависимости от конкретной ситуации, гибко подстраиваться под конъюнктуру [22. С. 38-39].

Подобная диалектика организационных форм, по мнению британских исследователей, в итоге будет способна эффективно противостоять «неолиберальной гегемонии». При этом не отрицается парламентское участие левых партий: Срничек и вовсе заявляет, что игнорирование электоральной борьбы в рамках политической системы представительной демократии может привести к маргинализации левых движений. С другой стороны, сведение политического участия левых только к партийной и электоральной борьбе может привести к отрыву партии от граждан, участвующих в политике. Поэтому авторы приходят к мысли, что необходимо развивать сильную сеть институтов низовой демократии наподобие советов времен Октябрьской революции для того, чтобы участники движения чувствовали «коллективную солидарность» – она, в свою очередь, поможет сформировать идентичность субъекта.

Следует отметить, что низовому уровню в деле достижения посттрудового общества отводятся авангардные функции. В рассуждениях об организации прослеживаются намерения авторов синтезировать опыт и радикальных движений, и классических партийных установок Ленина. Мы предполагаем, что подобная расколотовость между выборами стратегии обусловлена историческим опытом левых организаций, которые на каждом отрезке исторического периода демонстрировали как успехи, так и провалы. Срничек и Уильямс теоретически размышляют над созданием коллективного органа левых, который бы вмещал в себя различные движения и аккумулировал вокруг себя сторонников левых идей. «Организационное разнообразие должно сочетаться с широким популистским единством», – заключают они [14. С. 35]. И такой вывод, на наш взгляд, является закономерным этапом развития организационных форм левых движений. Мы видели как успехи греческой левой коалиции СИРИЗА в деле интеграции в государственные институты, так и лево-коммунитарных проектов, базирующихся на идеях французских постструктуралистов и так называемых наследников 1968-го.

Нельзя сказать, что Срничек и Уильямс предлагают готовый рецепт новой организации – авторы левого акселерационизма прослеживают необходимость в адаптации левых сил к изменившимся условиям, поэтому они не выступают

за возврат к классическим моделям организации (партии, массовые движения), но и не считают, что без политической организации с выстроенной структурой не получится достичь целей и тем более завоевать политическую власть – в современных условиях политическая власть рассредотачивается не только в официальных политических институтах, но и проявляется в виртуальных пространствах. Интернет является одним из важных узлов (очагов) идеологической борьбы, где рождаются разнообразные идеи. И, по словам Б. Кониор, левые проиграли правым силам и движениям в борьбе за него. Исследовательница, в частности, пишет, что «неолуддитское мышление левых, забывших о своих собственных корнях в политических техно-экспериментах, привело к тому, что правые реапроприировали техники авангарда, такие как провокация, анонимность и ирония, для пропаганды возврата к палео-либертарианской системе ценностей» [5]. Тем самым, наряду с модерными субъектами политики (государство и государственные институты) не учитывать постмодернистскую революцию публичного и политического пространства было бы опрометчиво и недалековидно.

4. «Ускользящая множественность»: политический субъект в теории ленинизма и левом акселерационизме. Вопрос о субъекте власти в левой мысли является определяющим в политическом отношении, но особенно актуальным он становится сегодня. «Рабочий класс», к которому апеллировал Ленин, все же не был однородным: помимо него существовало еще множество межклассовых, маргинальных субъектов (класс мелкой буржуазии, люмпен-пролетариат, крестьяне, класс интеллектуалов). Ленин в данном вопросе выступал с позиций экономизма – класс определялся исключительно по отношению к средствам производства. Вопрос сотрудничества классов также имел важное значение в ленинской программе – что делать с теми политическими силами, которые по форме являются левыми, но по содержанию не соотносятся с большевистскими максимами и программами? Это подводит нас к проблеме политического плюрализма.

В ходе реализации «диктатуры пролетариата» институт государства, как известно, отмирает [6. С. 25]. Более того, в вопросах репрезентации классов в партии Ленин писал, «ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом» [7. С. 61]. Его стратегия заключалась в отбрасывании разногласий ради достижений единой для большевиков универсальной цели. Партия, таким образом, становится авангардом перемен. Однако она не может репрезентировать класс полностью, т.к. в данном случае выступает в роли эффективного инструмента и передовой организационной политической формой, способной вести борьбу в буржуазных институциях. Поэтому в одну из задач Ленина входила организация разнородности рабочего класса. Опираясь на идеи Маркса и Энгельса в политических и организационных вопросах, Ленин развивает мысли о коммунальном устройстве советского общества. Он осознавал, что хорошо организованная и развитая культура низовой демократии, формально выраженная в Советах, станет тем фильтром, через который рабочий класс сможет взаимодействовать с государством в лице

партии. После смерти Ленина от таких «либертарных» идей пришлось отказаться в пользу дальнейшего процесса огосударствления общества.

Что же до современной ситуации, то здесь тенденции позднего капитализма настолько изменили классовый ландшафт, что говорить классическим языком Ленина уже нельзя. Поздний капитализм – это капитализм цифровой, виртуальный, который стал причиной появления множества «новых территорий», которые условно можно обозначить в качестве **кибер-пространств**. Подобный капиталистический универсум производит не только новые элементы системы, но и формирует иные правила игры. Сейчас в эпоху цифровых технологий среди левых распространено движение «хактивизма» [15], чьи последователи используют интернет-пространство как арену для политической борьбы средствами хакерских атак на инфраструктуру крупных компаний, государств и т.д.

Точкой притяжения по вопросу субъекта здесь выступают технологии, которые являются важным актором в лево-акселерационистском дискурсе. Через технологии мыслится эмансипация коллектива будущего, так как они, освобожденные от капиталистического закона стоимости, будут способны генерировать позитивные события. В свою очередь, данная позиция близка к идеям технологического детерминизма. Этот тезис подкрепляется тем, что в концепции левого акселерационизма капиталистические технологии воспринимаются как фактор социально-политических изменений, поэтому субъект рассматривается как придаток «машин» [18. Р. 143]. В условиях технологизации и цифровизации общественных процессов субъект становится зависим от технологий, берущих под контроль разные аспекты человеческой жизни. Материально это выражается в том, что субъект стал элементом «когнитивного ассамбляжем» (Срничек), который формируется между человеком и не-человеческими акторами. Это демонстрирует все большую зависимость человека от не-человеческих участников процессов, что подталкивает к идее о повышенной роли технологий в современных общественно-политических процессах [23. Р. 17].

Критической позиции придерживается профессор Б. Нойс. Он отмечает, что упор на технологическую и асубъективную позицию акселерационизма негативно сказывается на формировании контргегемонии неолиберальному капитализму. При этом сам капитал не исключается из проекта и становится системообразующей категорией акселерационистской мысли. В таком случае мы наталкиваемся на очевидный барьер в понимании левой акселерационистской стратегии. Нойс пишет, что «фигура революции или бунта, прослеживаемая в соответствии с существующими тенденциями капитализма», деполитизируется и становится «все более оторванной от любого реального социального или политического фактора» [20. Р. 7]. Нойс, таким образом, указывает на проблематику субъект-объектных отношений: если капитализм не является антагонистической формацией, если формирование подрывного революционного класса не исключение, а правило системы, то какой революционный потенциал несет в себе идея подрывного класса сегодня? В другом месте Нойс справедливо заметил, что ассамбляж современных классов с капитализмом, сцепка этих двух

субстанций «превращает пролетариат из субъекта истории в исчезающий вектор ускорения» [21. Р. 58].

В этом отношении ленинизм представляет иную форму подхода к работе с формированием политического субъекта. Несмотря на разность контекстов и условий, идеи Ленина относительно современного контекста интересны тем, что в ленинской матрице революционный субъект – это всегда изнанка системы: он вторгается извне Реальности и меняет политический порядок. Здесь можно вспомнить дебаты большевиков и меньшевиков относительно революционной роли пролетариата и его конкретных политических позиций. По этому вопросу Ленин четко придерживался, если использовать гегелевский фрейм, конкретности всеобщего, когда пролетариат (конкретное) смог интегрировать в себя все различия и выступить универсальной единой силой (всеобщее). Наличие универсального горизонта стало причиной массовой мобилизации рабочего класса. Ленину же удалось структурно удержать этот новообразовавшийся субъект. О необходимости «измерения универсальности» говорит и Жижек, утверждающий важность организационной формы, без которой оказание сопротивления капитализму всего лишь «политика без политики» [4. С. 60]. Ленин, по Жижеку, последним охватил «социальное целое» благодаря оформлению Партии как прогрессивной политической формы организации на тот исторический момент.

Левые акселерационисты предлагают сформировать организационную структуру и уйти от того, что Жижек называет «еще одним очагом сопротивления» внутри капитализма по примеру антиглобалистских движений. Их намерения выстроить контргегемонию неолиберальному капитализму, избежать перегибов «вертикализма» и «горизонтализма», сформировать глобальную структуру или сеть левых организаций оставляют еще больше вопросов по поводу левого консенсуса, лидерства в новом глобальном Интернационале, сохранения равновесия между двумя формами организации и возможностей реализации этих требований при условии признания капитала прогрессивной и позитивной силой, ведь одним из важных критериев формирования политического субъекта является не просто недовольство граждан, но и качественная риторика, способная объяснить «множеству» их задачи и цели. Через критику проекта Ленина наблюдаются позитивные механизмы и инструменты интеграции ленинских идей в современный левый дискурс – без партийной или иной формы организации представить политическую борьбу достаточно сложно. И здесь ленинизм и левый акселерационизм сходятся в своих интенциях – левый акселерационизм скорее перенимает от Ленина идею авангардной партии, но подозрительно относится к таким феноменам, как авторитаризм, централизация, подавление «инакомыслия» внутри партии, огосударствление Партии. Мы приходим к выводу, что для построения посттрудового общества и «мира без труда» левым акселерационистам следует уточнить конкретные революционные возможности субъектов и нацелиться на определенные общественные сегменты, иначе формирование контргегемонии может быть отодвинуто на долгие годы. Нельзя не признать ключевого фактора современной политической инфраструктуры:

сетевых сообществ, интернет-пространств и цифровых продуктов, без которых любая политическая сила лишь «колосс на глиняных ногах».

5. Заключение. Мы рассмотрели в настоящей статье две политические философии – ленинизм и левый акселерационизм – по трем основаниям. По нашему мнению, левый акселерационизм критически переосмысливает идеи ленинизма применительно к современной политической реальности. Благодаря герменевтическому подходу мы восстановили контекст двух идей, возникших на стыке мировых кризисов. Гипотетически мы вывели, что обращение к ленинизму в работах Срничека и Уильямса становится отправной точкой для рефлексивной работы современных западных левых с отечественным наследием левой мысли в рамках проблематики структурного кризиса левых движений. Анализируя политический язык левых акселерационистов, мы обозначали те реперные точки, по которым Срничек и Уильямс пытаются обновить подходы современных левых к политической борьбе. В то же время отсылки к Ленину, критика ленинских формул и его практических идей становится полноценным ядром дискурса левых акселерационистов по ключевым вопросам: 1) организации; 2) революции; 3) политического субъекта.

Нельзя сказать, что левый акселерационизм движется в русле ленинской парадигмы – он обращается к тем темам и вопросам, которые по-своему решал Ленин в свое историческое время: как объединить разрозненный класс? Как объединить левые политические силы, когда различия буквально расщепляют политический ландшафт? Отрицать или принимать нарождающиеся институты? На эти вопросы Ленин пытался ответить с точки зрения «деятельностного» подхода, который предполагал активное вмешательство в политический процесс здесь и сейчас. «Здесь и сейчас» волнует и левых акселерационистов; их манифест начинается фактически с установки глобального и масштабного кризиса, они выносят современности приговор, который должны исполнить левые силы. Одни ратуют за подполье и тайность организации, конспиративность и невидимость; другие успешно продвигаются на политическом поприще внутри политических систем разных стран и давно потеряли критический и революционный запал; третьи же в абсолюте возводят идеал «стихийности», автономности и воплощают собой стратегию «ухода» из капитализма [5]. В этом контексте левые акселерационисты пытаются собрать фрагментированные остатки левых сил и создать то, что мы бы рискнули назвать Интернационалом 2.0., – глобальную инфраструктуру левых сил со своими региональными филиалами, сильными институтами прямой демократии и централизованными организационными структурами. Подобное объединение выстраивается вокруг универсального «образа будущего» – посткапиталистический мир «постработы».

Для того, чтобы выстроить подобную систему потребуется множество сил и ресурсов. Важно отметить, что конкретно авторы левого акселерационизма – намеренно или ненамеренно – включают в свой проект. Здесь мы можем с уверенностью сказать, что левый акселерационизм солидарен с такими ленинскими идеями, как авангардная партия, демократический централизм и иерархия

институтов. Но однозначно исключаются такие явления ленинистской мысли, как вождизм и идея доминирующей партии.

В интерпретациях левого акселерационизма мы можем наблюдать то, что назвали бы «неленинский ленинизм» – перцепцию западной левой мыслью теоретических наработок Ленина в контексте кризиса традиционных партийных структур и профсоюзных движений. «Неленинский ленинизм» фактически становится примером обращения западных левых мыслителей к фигуре Ленина, элиминируя из его политической философии такие спорные для западной общественности пункты, как «диктатура пролетариата», «революционный захват власти», создание подпольной, иерархизированной партийной структуры с жесткой дисциплиной и членством. Эти аспекты ленинской политической мысли табуированы для западных левых мыслителей, поскольку идеалам и ценностям демократии, ни современной цифровой эпохе, когда политический и социальный ландшафты глобально изменились в условиях существования цифровых алгоритмов, искусственного интеллекта, сетевых эффектов, что делает вышеназванные ленинские постулаты неактуальными. Либертарные практики автономизма и «горизонтальные» движения солидарности, появившиеся после финансового кризиса 2008 г., на текущий момент исчерпали свой потенциал и стагнировали на определенных этапах современности. По этой причине левые акселерационисты стали аккуратно обращаться к наследию Ленина, избирательно относясь к пунктам его политической философии. В связи с этим мы гипотетически и концептуально определили подобное восприятие ленинских идей как «неленинский ленинизм».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
2. **Джеймисон Ф.** Ленин как политический мыслитель // Антиномии. 2015. Т. 15, № 2.
3. **Жижек С.** 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем, 2003.
4. **Карулин А.А.** Революция, ускорение или бегство? Левые стратегии борьбы с капитализмом // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19, № 2.
5. **Кониор Б.** Апокалиптические мемы для Бога Антропоцена // Spacemorgue // <https://spacemorgue.com/apocalypse-memes>.
6. **Ленин В.И.** Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полное собрание сочинений: 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 33.
7. **Ленин В.И.** Шаг вперед, два шага назад. М.: Госполитиздат, 1947.
8. **Ленин В.И.** Философские тетради // Полное собрание сочинений: 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 22.

9. **Негри А., Хардт М.** Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.
10. **Негри А.** Размышления о Манифесте акселерационистской политики // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. Т. 28, № 2 (123).
11. **Павлов А.В.** Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека // Тетради по консерватизму. 2017. № 2.
12. **Пантин И.К.** В.И. Ленин: политическая философия // Альтернативы. 2014. № 4.
13. **Срничек Н., Уильямс А.** Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
14. **Срничек Н., Уильямс А.** Манифест акселерационистской политики // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. Т. 28, № 2 (123).
15. **Самуэль А.** Феномен хактивизма // Полит.наука. 2008. № 2.
16. **Шалагинов Д., Сержан Э., Косякова В., Прантикова С.** Некроленинизм: очерк о дефигурации будущего // Философско-теоретический журнал «Синий диван». 2017. № 22.
17. **Balibar É.** On the Dictatorship of the Proletariat. UK: New Left Books, 1977.
18. **Gordon P.** Left Accelerationism, Transhumanism and the Dialectic: Three Manifestos // New Proposals: Journal of Marxism and Interdisciplinary Inquiry. 2022. Vol. 12, № 1.
19. **Noys B.** Malign Velocities: Acceleration and Capitalism. UK: Zero Books, 2014.
20. **Noys B.** The Persistence of the Negative. Scotland: Edinburgh University Press, 2010.
21. **Noys B.** Lenin's Realism // Crisis and Critique. 2024. Vol. 11, № 2.
22. **Nunes R.** Organisation of the Organisationless: Collective Action after Networks. London: Mute, 2014.
23. **Srniczek N.** Representing complexity: the material construction of world politics. PhD thesis, London School of Economics and Political Science, 2013.

A.A. KARULIN

Graduate student of Department
of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

THE PLACE OF LENINISM IN THE CONCEPT OF LEFT-WING ACCELERATIONISM

This article attempts to analyze in a comparative way the modern concept of left-wing accelerationism and Leninism as a radical left-wing political philosophy of action. A special place in their theoretical reflections is occupied by questions about the fate and position of the modern leftist movement in the conditions of late capitalism. As the discourse-forming lines along which the key points of leftist ideology are being rethought in the concept of leftist accelerationism, we choose issues of political mobilization of the masses, interaction between elites and the masses, the revolutionary transformation of capitalist society within the framework of new spaces, structures and actors within capitalism, and the political subject. The main objective of this study is to study how Lenin's ideas and concepts manifest themselves in the concept of left accelerationism. The work uses a comparative approach to reveal the points of contact, common features and differences of the political concepts studied. A hermeneutic approach with elements of discursive analysis is also used, whose relevance is explained by the possibility of revealing the interpretation of Leninism by left-wing accelerationism and comparing two political and philosophical ideas through the reconstruction of the historical context. As a result of the research, the author concludes that criticism of Leninism leads left-wing accelerationist theorists to recognize the need to find new approaches to building a «healthy organization» to effectively oppose the structures of late capitalism. However, left-wing accelerationism turns to the legacy of Leninism not just to criticize it, but to overcome the current problems of leftist movements. During the research, it was found that left-wing accelerationism critically rethinks the political philosophy of V.I. Lenin, considering new socio-political conditions.

Key words: Leninism, left accelerationism, left ideology, critique of capitalism, crisis of left movements, theory of revolution, digital capitalism, crisis of the political subject, critique of horizontal movements, anti-elitism.